

Revue des études slaves

LXXXVIII 1-2 | 2017

1917 en Russie. La philologie à l'épreuve de la Révolution

« НАСЛЕДСТВО И НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ » : ЭВОЛЮЦИЯ КРИТИКИ РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1910-1920-Х ГОДОВ

Héritage et hérédité. L'évolution de la critique de la littérature pour enfants, années 1910-1920

Heritage and Heredity. The Evolution of the Critique of Children's Literature in the 1910s-1920s

Svetlana Maslinskaya

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/res/821>

DOI : 10.4000/res.821

ISSN : 2117-718X

Éditeur

Institut d'études slaves

Édition imprimée

Date de publication : 31 juillet 2017

Pagination : 237-255

ISBN : 978-2-7204-0551-8

ISSN : 0080-2557

Référence électronique

Svetlana Maslinskaya, « « Наследство и наследственность » : эволюция критики русской детской литературы 1910-1920-х годов », *Revue des études slaves* [Онлайн], LXXXVIII 1-2 | 2017, Выложить онлайн 31 juillet 2018, Наводить справки в 21 avril 2019. URL : <http://journals.openedition.org/res/821> ; DOI : 10.4000/res.821

**«НАСЛЕДСТВО И НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ»
ЭВОЛЮЦИЯ КРИТИКИ РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1910-1920-Х ГОДОВ***

Светлана МАСЛИНСКАЯ
*Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Санкт-Петербург*

В попытках систематизировать литературный процесс XX века одним из рубежных событий оказывается Октябрьская революция. Использование этого «мирового события» (Г. Гервинус) закономерно в ситуации, когда национальной литературе потребовалось присоединиться к точке отсчета, предложенной ходом политической истории. Историки русской детской литературы, равно как и историки взрослой, в своих диахронических построениях стали активно использовать дихотомию «до революции» – «после революции». Общепризнанная концепция советской детской литературы принадлежит Самуилу Маршаку:

Нельзя жить только наследством, как бы велико оно ни было. Мы должны сами создавать свой нынешний и завтрашний день – новую литературу, которая полно отразит наше время и даже заглянет далеко в будущее¹.

Маршак неоднократно говорил о новых авторах, новых темах, новых героях – о новой «большой литературе для маленьких». Вслед за ним литературный процесс для детей 1910-1920-х годов последние сто лет описывается в терминах противостояния традиций, преодоления старых тем и жанров, перелома в индивидуальном творчестве и т. п.

Из одной в другую историко-литературную работу кочуют одни и те же формулировки об основополагающей роли Октябрьской революции в развитии детской литературы:

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ – Russian Foundation for Humanities) «Воспитание нового читателя: литература для детей в педагогической критике и цензуре (1864-1934)» 15-06-10359.

1. С. Маршак, «Литература – детям», *Литературный современник*, № 12, 1933.

Советская детская литература – детище Октября. Великая Октябрьская революция коренным образом изменила характер литературы для детей: наполнила ее новым социально-нравственным содержанием, обогатила коммунистической идейностью, связала неразрывно с жизнью народа².

Тем не менее эта непротиворечивая поступательная история развития детской литературы, пережившей перелом в 1917 году, с современной точки зрения не кажется такой уж очевидной. Представление о том, что именно 1917 год (или 1918) является *точкой разрыва* требует дополнительной аргументации.

В недавних исследованиях раннего периода советской детской литературы уже были продемонстрированы сбои этой концепции. Бен Хеллман, обратившись к фигуре Л. Кормчего, провозгласившего в 1918 году переход к «новой» советской детской литературе, показал, что биография этого глашатая полна темных мест и противоречий³. И, добавим, значимость его вклада в новую концепцию детской литературы была сконструирована значительно позже 1918 года – только в 1960-е годы. Не был 1917 год и рубежом для детской журналистики: Марина Балина продемонстрировала продление «старой» модели детской литературы в продолжавшемся после революции издании журналов («Маяк», «Светлячок», скаутские журналы)⁴, то же можно сказать и об издательской деятельности негосударственных изданий периода НЭПа⁵. Ирина Арзамасцева, предприняв изучение институционального развития детской литературы в 1920-е годы, выявила дореволюционные корни педагогических и социологических исследований детского чтения, которые проводились специалистами, объединившимися вокруг Анны Покровской и ее Института детского чтения⁶. Сара Панкеньер Вельд, исследуя развитие российского авангарда в 1910-1930-е годы, рассматривает его как единый процесс⁷.

Наиболее четко преемственность и связность периода 1900-1930-х годов была сформулирована в докторской диссертации И. А. Арзамасцевой. Выбрав два измерения: развитие идей о детстве и персональный творческий путь писателя, Ирина Арзамасцева справедливо утверждает:

2. В. Д. Разова, *Советская детская литература. Учебное пособие для библиотечных факультетов институтов культуры и педагогических вузов*, М., Просвещение, 1978, с. 3.

3. Б. Хеллман, «Детская литература как оружие: творческий путь Л. Кормчего», *«Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е – 1930-е гг.): сборник статей*, СПб., Алетейя, 2012, с. 20-45.

4. М. Балина, «У истоков детской советской литературы: иллюзии и факты», *В измерении детства: Статьи о детской литературе*, Пермь, Пермский гос. пед. Ун-т, 2008, с. 11-25.

5. С. Маслинская, «Пионерская беллетристика vs. Большая детская литература», *«Убить Чарскую...»*, 2013, с. 231-245.

6. И. Н. Арзамасцева, «Подвижники детского чтения», *Детские чтения*, № 1(001), 2012, с. 8-19.

7. Sara Pankenier Weld, *Voiceless Vanguard: The Infantilist Aesthetic of the Russian Avant-Garde*, Evanston, Northwestern University Press, 2014.

Необъективно представление о том, что детская литература пережила второе рождение благодаря Октябрю. На деле, Октябрь придал ей свою идеологическую окраску. Собственный язык, а это главное в искусстве, она получила чуть раньше⁸.

Таким образом, изучая литературный процесс 1920-х годов, исследователи сходятся на том, что и персональные, и институциональные траектории его участников не выглядят сегодня как однозначно новаторские, – многое явилось продолжением предыдущего периода развития детской литературы. В то же время какие-то знаковые «вешки» (как статья Л. Кормчего), в историографии принятые за рубежи, были в действительности явлением случайного порядка и из сегодняшнего дня более напоминают исторический анекдот.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать историю русской детской литературы 1910-1930-е годов исходя из постулата о непрерывности литературного процесса⁹. Задачу исследования определила предпосылка: не присматриваться к 1917 году как точке разрыва и искать знаки рождения новой детской литературы, а напротив – задаться целью выявить признаки, которые демонстрируют связность и континуальность первого тридцатилетия XX века.

Одним из исследовательских объектов, которые давно интересуют тех, кто занимается историей литературного процесса является журнальная критика. Она может хорошо демонстрировать, как сиюминутные изменения в представлении о литературе, так и инертность критической рамки, которая поддерживается тем, что одни и те же критики работают в названной области на протяжении десятилетий. Критика отзывается именно на новинки книгоиздания, тематизируя саму категорию «нового». Это свойство критики позволяет выявить – изменились ли представления о новом, о новой детской литературе, после 1917 года, если изменились, то в каком отношении.

Выявить устойчивость или подвижность представлений о детской литературе в критической публицистике можно различными способами. Так, например, уже были попытки проследить эволюцию взглядов отдельного критика¹⁰, но, как правило, исследователи оказываются в плену «разрыва» и изучают критическое наследие дореволюционной и пореволюционной поры изолированно: показательный пример – изучение критических работ Корнея Чуковского¹¹.

8. И. Н. Арзамасцева, *“Век ребенка” в русской литературе 1900-1930 годов*, М., Прометей, 2003, с. 112.

9. Ср. рассуждения Н. Зоркой о непрерывности истории российского кинематографа в этот же период: Н. Зоркая, *История советского кино*, СПб., Алетейя, 2005.

10. Е. О. Путилова, «Н. А. Саввин», *Очерки по истории критики советской детской литературы. 1917–1941*, М., Детская литература, 1982, с. 7-11.

11. А. А. Кочеткова, *К. И. Чуковский – литературный критик 1900-1910-х годов*, Дис., канд. филол. наук, Саратов, Саратовский Государственный Университет, 2004; Мирослав Дрозда «К.

В настоящей статье я бы хотела обратиться ко всему корпусу журнальной критики детской литературы в названный период. Материалом выступила библиографическая база «Критика детской литературы: 1864-1940 годы»¹². Анализ критических публикаций 1900-1940 годов о *текущей детской литературе* позволяет проверить основную гипотезу исследования: в названный период сохранялась преемственность между отдельными критиками и группами как в части авторитетов, так и в части собственно представлений о том, какой должна быть «новая детская литература», иными словами, советская концепция «новой» детской литературы в своих основных чертах восходит к модели детской литературы, сформулированной в работах дореволюционных критиков, и новаторской не являлась.

СТАНОВЛЕНИЕ

В 1900-1917 годах критика новинок детской литературы располагается преимущественно на педагогических журнальных площадках. Это различные педагогические министерские, ведомственные, общественные журналы: «Педагогический листок», «Русская школа», «Вестник воспитания», «Воспитание и обучение», «Дошкольное воспитание», «Обновление школы», «Вестник Общества распространения просвещения между евреями» и еще порядка десятка подобных журналов. В этих периодических изданиях печатались по преимуществу статьи о преподавании чтения и словесности в школе – характерны заголовки статей в этих журналах: «Психические основы постановки слога», «Воспитательное чтение», «Психологические основы внеклассного чтения», «Основные положения методики объяснительного чтения», «Из первых опытов постановки коллективного чтения в начальной школе» и пр. Реже, но также регулярно, выходили публикации, представляющие результаты социологического исследования чтения детей (детей из разных социальных слоев, половозрастные пристрастия в чтении и т. п.), и еще реже авторы обращались непосредственно к детским книгам и анализу творчества детских писателей. Количество статей в каждом журнале в год очень невелико – установочные и исследовательские статьи исчисляются в пределах десятка, рецензии и обзоры новинок – в пределах двух-трех десятков.

Чуковский – литературный критик», *Acta Universitatis Carolinae – Philologica. Slavica Pragensia*, XII, Universita Karlova, Praha, 1970, 2-4, с. 271-284.

12. Библиографическая база «Критика детской литературы: 1864-1940 годы», собранная участниками проекта «Воспитание нового читателя: литература для детей в педагогической критике и цензуре (1864-1934)», включает в себя 2650 библиографических записей (база собрана как на основе опубликованных библиографических указателей, так и при просмотре журнальной периодики *de visu*). За период 1900-1940 годов – 2454 критических статей, из них в период 1918-1940 опубликовано 2261 статей. Данная библиографическая база в виде библиографического указателя готовится к печати. Фрагмент библиографического указателя опубликован в: А. Ф. Белоусов, В. В. Головин, О. А. Лучкина, С. Г. Маслинская, И. А. Сергиенко, «Критика детской литературы 1864-1934: фрагмент аннотированного указателя», *Детские чтения*, 2015, № 2 (8), с. 6-29. detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/177

С 1911 года в непосредственной близости от педагогического сообщества начинают выходить два специализированных журнала, посвященных «вопросам детского чтения» – «Новости детской литературы» и «Что и как читать детям». Первый издавался при детской библиотеке М. В. Бердниковой при участии Отдела детского чтения Комиссии по организации домашнего чтения при учебном отделении Московского общества распространения технических знаний, второй издавала Н. А. Бекетова. Из анонса этих журналов, размещенного в одном из педагогических изданий, следует, что «главное внимание [в них – С. М.] будет уделено отзывам о новых книгах и журналах, доступных для чтения и понимания детей школьного и дошкольного возраста»¹³. Журнал «Новости детской литературы» прекратил свое существование в декабре 1916 года, «Что и как читать детям» ограничился шестью выпусками в 1917 году.

Содержание этих журналов составляли прежде всего рецензии и обзоры. Редакционные статьи, как правило, являлись статьями проблемно-установочными, а эпизодические исследовательские работы «Детский писатель и ребенок», «Дон-Кихот Сервантеса в детской литературе», «О критике детской литературы самими детьми»¹⁴ и подобные апробировали эстетические подходы в анализе детской литературы. Авторы названных статей соответственно – В. Мурзаев, О. Капица, Е. Елачич – специалисты с широким профессиональным кругозором, опытные эксперты в области словесности, и не только детской. Названные исследователи и другие критики (В. Зеленко, Н. Шохор-Троцкая, З. Павлова-Сильванская, В. Мияковский, Н. Бекетова, В. Фриденберг, И. Владиславлев) составляли единое сообщество: ссылались на статьи коллег, опубликованные в других журналах-партнерах, в том числе и в педагогических, составляли рецензии на исследовательские монографии Н. Чехова и В. Саввина, рекламировали коллегиальные журналы и события и т. д. Таким образом, в первые годы второго десятилетия (1911-1916-е гг.) сложилась развитая инфраструктура критического анализа издательского дела для детей и литературного процесса.

Каково было представление о детской литературе у этой плеяды критиков? Из каких критериев они исходили?

Позиции критиков определялись их педагогическими установками, которые по преимуществу восходили к народническому пониманию образования и воспитания. По утверждению Ирины Арзамасцевой, «утопическая идея, что ребенок способен получить от народа его силу, нравственную интуицию и далее соединить свои устремления с народными чаяниями, в

13. *Русская школа*, 1912, апрель, с. 111.

14. В. С. Мурзаев, «Детский писатель и ребенок», *Что и как читать детям*, 1916, № 2, с. 43-51; О. А. Капица, «Дон-Кихот Сервантеса в детской литературе», *Что и как читать детям*, 1913-1914, № 7, с. 1-5; Е. Елачич, «О критике детской литературы самими детьми», *Что и как читать детям*, 1912-1913, № 10-11, с. 1-9.

начале XX в. утратила актуальность»¹⁵. На ее место заступила либерально-демократическая позиция, которая к началу 1920-х годов включала в себя внесословность воспитательных идеалов, критику существующего неравноправия (как в сословном, так и в гендерном отношении), установку на запуск посредством образования (и чтения, в том числе) социального лифта¹⁶ и пр. С этих позиций анализировались новинки 1900-1910-х годов: сентиментальное (Чарская, Желиховская и пр.) и модернистское (религиозно-мистическая поэзия и пр.) направления в детской литературе. Воспитательные идеалы Лидии Чарской, Марии Пожаровой, Ольги Беляевской и их эпигонов не соответствовали прогрессивным либеральным воспитательным ценностям, укорененным в народническом чувстве социальной справедливости и реалистическим приемам ее изображения.

С началом экспериментов по созданию «свободной школы» на страницы журналов 1910-х годов пришли рассуждения о «новом человеке», «новой личности» и в конечном итоге «новой литературе». С этими чаяниями рифмовались радикальные социал-демократические идеи о переустройстве общества. В 1913 году Эсфирь Яновская в своей обстоятельной статье о свободном воспитании рассуждает:

Наш вчерашний идеал в области педагогики, твердый и устойчивый, сегодня начинает шататься под тяжестью тех новых мыслей и веяний, которые проникают во все поры нашей умственной деятельности, благодаря новым условиям жизни, благодаря новой исторической эпохе, рождающей новые мысли, новые стремления...¹⁷

Под новыми условиями жизни она понимает процесс модернизации и его следствия в области воспитания и образования: возрастание контролирующей роли массовой школы и открывающиеся возможности для независимых педагогических экспериментов, независимых прежде всего от родителей. Яновская и ее единомышленники развивали идеи о том, что можно «забрать» ребенка у «невежественных родителей», уродующих детей¹⁸, вывести из-под родительского контроля и воспитать в соответствии с представлениями педагогов-экспертов о форме и нормах воспитания (такие идеи восходят к просветительской модели воспитания). Отказываясь от иллюзий народников, доверявших воспитательной силе народа, Яновская критикует и Константина Вентцеля, российского теоретика свободного воспитания, и его последователей за полный отрыв от среды и общественно-экономических условий. Далее Яновская все более и более радикализирует свою позицию, пользуясь марксистской доктриной и пере-

15. Арзамасцева, «Век ребенка» в русской литературе..., с. 79.

16. См., напр. Г. Коломин-Мамистов, «Крестьянское детство», *Русская школа*, 1912, январь, с. 126-149.

17. Э. В. Яновская, «Дом свободного ребенка», *Вестник воспитания*, 1913, ноябрь, № 8, с. 50.

18. Яновская, «Дом свободного ребенка»..., с. 54.

ходя на язык революционной риторики (пролетариат – «жестоко угнетаемая часть общества», невозможность создания новой школы «в пределах существующего экономического, политического и вообще внешнего рабства» и т. д.).

Радикально-революционное направление общественной мысли в дореволюционной критике детской литературы было представлено скромно, по сути дела манифестом Э. Яновской оно и ограничилось. Но спустя десять лет – в 1923 году – это направление стало решительно доминировать.

ПЕРЕЛОМ

К середине 1917 года серьезно изменилась конфигурация публичных площадок для обсуждения: закрылись ведущие педагогические журналы («Педагогический сборник» (1864-1917), «Русская школа» (1890-1917), «Педагогический листок» (1869-1917), «Воспитание и обучение» (1881-1917), «Школа и жизнь» (1910-1917), «Для народного учителя» (1907-1917).

Во второй половине 1917-1919 годах происходит стремительный спад количества публикаций о детской литературе. Отдельные статьи выходят в журнале «Маяк». Но вдруг в феврале 1918 года публикуется программная статья Л. Кормчего в «Правде». Статья Кормчего провозглашала «новые» принципы детской литературы, которые практически ничем не отличались от тех, которые формулировались в статьях либеральных педагогов-реформаторов до февраля 1918 года, например, в статьях В. С. Мурзаева и С. И. Шохор-Троцкой. Однако исследователи обычно пишут о новаторском характере этого манифеста¹⁹. В действительности ничего принципиально нового Кормчий не говорит: так же, как дореволюционные педагоги, он рассуждает, о ребенке, который «идет на смену взрослым». Так же как либеральные педагоги он провозглашает необходимость заложить у детей «прочный фундамент для будущего созидания свободы и красоты жизни»²⁰.

Новым оказывается не содержание его выступления, а тот печатный орган, который он избрал для публикации: концепция «новой» детской литературы публикуется не в ведомственном педагогическом журнале, а в центральном органе правящей партии – газете «Правда». Это по-настоящему неожиданно и ново. Это, действительно, знак того, что новая власть заявляет о своих претензиях на руководство детской литературой. Другое дело, что никакой коллегиальной реакции (да и властной) на эту статью не последовало. Ни педагоги, ни критики, ни партийные номенклатурщики никак не прокомментировали в центральной и педагогической

19. Напр., Хеллман, «Детская литература как оружие...», с. 20-45; Балина, «Советская детская литература: несколько слов о предмете исследования», «Убить Чарскую»..., с. 7-19.

20. Л. Кормчий, «Забывтое оружие. О детской книге», *Правда*, 1918, 17 февраля, № 28, с. 3.

прессе ее содержание. На сегодняшний момент, несмотря на обстоятельные расследования фигуры Л. Кормчего, предпринятые Б. Хеллманом, остается непонятна прагматика этого выступления и его следствия для конкретного исторического момента – начала 1918 года.

Н. Саввин в статье «Детская литература наших дней» пишет, что «перед войною и перед переворотами последних месяцев наша детская литература прочно стала на ноги»²¹ – и книгоиздательский процесс, и критика, и теория, с его точки зрения, переживали настоящий расцвет, а в начале августа 1918 года, когда вышла его статья, «положение с детской литературой» ему видится «поистине катастрофическим»²². Но, в отличие от Кормчего, он ратует за переиздание старых книг, среди которых, он уверен, можно найти «немало хороших детских книг, переиздание которых даже предпочтительнее, чем издание новых книг». Авторитетный теоретик и критик совершенно игнорирует манифест Л. Кормчего, не упоминает он его и спустя еще три месяца в своей статье с установочным, казалось бы, названием «Что и как теперь читать детям». Напротив, он снова сетует, что «приходится волею неволею выбирать из старого запаса то, что может быть взято»²³. Так же поступают и другие критики. Общее количество статей по вопросам детской литературы в 1918-1923 годы (по указателю И. Старцева²⁴) – 41 публикация. И ни в одной из них нет реакции на выступление Л. Кормчего: его имя не упоминается, его позиция не обсуждается.

Более того, Н. Бочкарев в начале 1919 года в статье «Основные вопросы детской литературы» будет утверждать обратное: детская литература не должна «служить вспомогательным для науки и нравственности орудием»²⁵. Сторонники понимания детской литературы как «чистого искусства» в 1918-1920 годы объединятся с теми, кто будет ратовать за качество детской литературы, а не ее соответствие политическому моменту. Такие рассуждения можно обнаружить у А. Покровской, Н. Саввина и других критиков²⁶. В частности, в ноябре 1919 года на страницах той же «Правды» со статьей «Неосновательное опасение» выступит Н. К. Крупская²⁷. Статья представляет собой нехарактерную для автора, опытного политического

21. Н. Саввин, «Детская литература наших дней», *Внешкольное образование*, 1918, № 1, с. 26.

22. Саввин, с. 27.

23. Саввин, «Что и как теперь читать детям», *Внешкольное образование*, 1918, № 4, с. 15.

24. И. И. Старцев, *Вопросы детской литературы и детского чтения: библиографический указатель книг и статей по истории, теории и критике (1918-1962)*, М., Детская литература, 1962.

25. Н. Бочкарев, «Основные вопросы детской литературы», *Свободная трудовая школа*, 1919, № 3, с. 13.

26. Интересно, что О. Капица и К. Чуковский, которые начали свой «критический путь» задолго до революции, в 1918-1923 годах не публиковались на страницах периодической печати: как раз в эти годы О. И. Капица организует показательную детскую библиотеку и секцию детских писателей в Ленинграде, а К. И. Чуковский обращается к написанию своих первых сказок «Крокодил», «Мойдодыр» и «Тараканище». В критике детской литературы их голоса в эти годы не слышны.

27. Н. Крупская «Неосновательное опасение», *Правда*, 1919, 6 ноября.

публициста, вялую заметку о необходимости издавать классиков. Никаких политических заявлений о пересмотре, перестройке, перевороте в области детской литературы эта короткая заметка не содержит, что также контрастирует с пламенным ораторским стилем Л. Кормчего. Н. Крупская о своем понимании новой детской литературы заявит спустя почти 10 лет – в момент инициированной ею травли К. Чуковского в 1928 году.

Громогласные идеи Л. Кормчего (если это были его идеи) были развиты только в 1924 году, когда впервые вопросы детской литературы стали обсуждаться на крупных партийных совещаниях, что неоднократно описано в истории советской детской литературы²⁸.

Незадолго до этого Эсфирь Яновская представила в своей брошюре 1923 года по-настоящему своевременный манифест новой детской литературы – «Сказка как фактор классового воспитания». В первом же предложении она задает новую точку отсчета:

Октябрьская революция, всколыхнувшая весь педагогический мир и заставившая нас приступить к переоценке всех педагогических ценностей, поставила нашу работу на совершенно новые рельсы²⁹.

И далее она продолжает рассуждать о «новых берегах нового мира», «новой педагогике», «новой литературе». В 1925 году выйдет второе издание этой брошюры под еще более провокативным названием «Нужна ли сказка пролетарскому ребенку»³⁰.

Основной тезис, помимо политически конъюнктурных заявлений о решающей роли Октября, будет сведен к необходимости художественного монополизма:

Реализм – вот требование нашей современности, диктующее и зарождение реальной детской литературы³¹.

Ни утверждение реализма как титульного стиля детской литературы, ни негативное отношение к сказке как детскому чтению не было новаторской идеей³². Тем не менее в новых политических условиях это ружье наконец выстрелило – советская антисказочная компания была запущена именно в 1923 году.

Лукавство Яновской, когда она заявляет о пересмотре всех педагогических ценностей, сойдет ей с рук: о том, что ценности «здоровой реалистической книги» отстаивали либеральные педагоги задолго до революции,

28. См., Маслинская, «Пионерская беллетристика vs. Большая детская литература», *Детские чтения*, 2012, № 1, с. 100-116; Балина, «У истоков детской советской литературы: иллюзии и факты»...

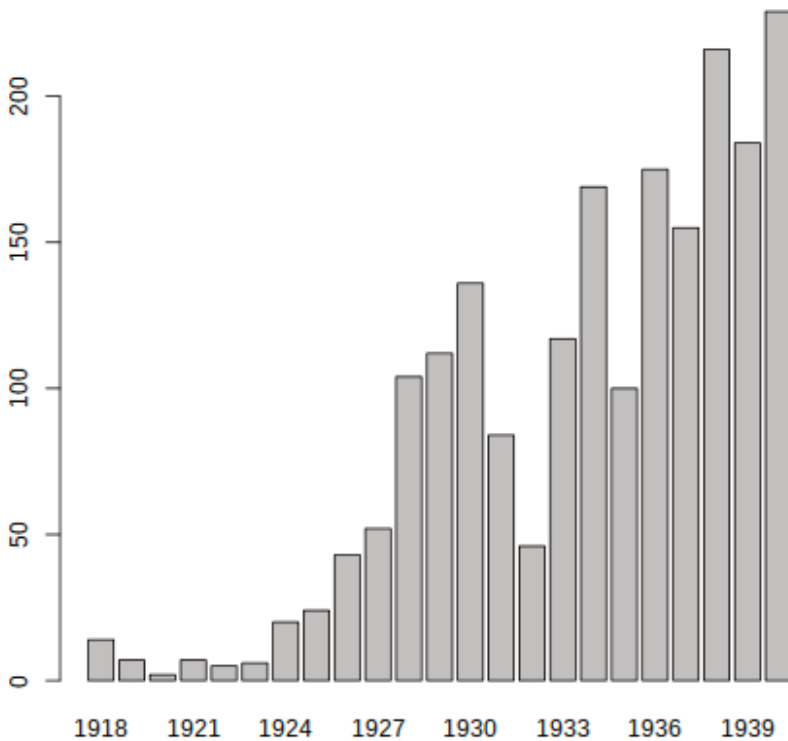
29. Яновская, *Сказка как фактор классового воспитания*, Харьков, 1923, с. 3.

30. Яновская, *Нужна ли сказка пролетарскому ребенку*, Харьков, 1925.

31. Яновская, с. 51.

32. Кампании по борьбе со сказкой возникали и ранее, напр, в 1860-е годы, см. об этом А. Ф. Белоусов, «Враги сказок», *Восток – Запад. Пространство русской литературы и фольклора: сборник, посвященный 90-летию со дня рождения Д. Н. Медриша*, Волгоград, 2017.

организаторы советской детской литературы предпочтут забыть, напротив, неустанно заявляя о разрыве с дореволюционной традицией критики детской литературы. И тогда же в 1923 году начался неуклонный рост количества критических статей (см. диаграмму 1 Динамика критических публикаций 1918-1940³³. Таким образом, именно 1923 год стал годом перелома в составе участников критического сообщества, с 1924 года он радикально обновляется.

1. Динамика критических публикаций 1918-1940.

33. Для количественного подсчета был собран материал, который представляет из себя базу данных, в которую вошло 2261 статья.

НОВЫЕ КАДРЫ КРИТИКИ

Что это были за люди? Встречаются ли среди них те, кто публиковался до революции? Меняются ли критерии оценки «новой» детской литературы?

Общее количество участников критического процесса после 1917 года – немногим более пятисот человек. Из них лишь несколько человек, публиковались до 1917 года – О. И. Капица, Н. В. Чехов, В. Родников, Н. Саввин, К. И. Чуковский, Л. Г. Оршанский, В. Зеленко. Некоторые из них на момент Октябрьской революции видные критики, авторы монографий по вопросам истории детской литературы или детского чтения³⁴. Однако после революции они по разным причинам примут весьма эпизодическое участие в текущей экспертизе новой детской литературы. Ольга Капица выпустила две статьи в 1928 и 1935 году³⁵ Виктор Родников опубликует только один обзор конференции в 1928 году³⁶. Николай Чехов с интервалом в год даст три публикации о национальной детской литературе³⁷ в 1929-1931 годах. Николай Саввин опубликует с большим перерывом в провинциальных педагогических журналах три работы о внеклассном чтении³⁸. Все названные работы не содержали критики новинок советской детской литературы.

В 1923 году на арену начинают выходить со своими первыми статьями представители новой когорты критиков и исследователей детского чтения. Новое поколение экспертов не было однородным. С одной стороны, это были «подвижники детского чтения» – сотрудники Института детского чтения и его единомышленники³⁹, с другой – сторонники Н.Крупской и ее взглядов на новую советскую детскую литературу – Э. Яновская, Е. Флерина, Д. Кальм и др. Профессиональный габитус первой группы можно определить, как библиотекари-исследователи, второй – педагоги-номенклатурщики⁴⁰.

34. В. Родников, *Очерки детской литературы*, Киев, Тип. Император. ун-та св. Владимира, 1912; Н. В. Чехов, *Детская литература*, М., Польза, 1909; Чехов, *Введение в изучение детской литературы: изложение лекций народным учителям на летних курсах по вопросам детской литературы и детского чтения*, М., Изд-во Сытина. 1915; К. И. Чуковский, *Матерям о детских журналах*, СПб., Русская скоропечатня, 1911, и др.

35. Капица, «Фольклор в современной детской книжке», *Книга детям*, 1929, 2-3, с. 21-28; Капица «К библиографии источников сказки “Три медведя”», *Детская литература*, 1935, 9, с. 23-24.

36. Родников «Краевая конференция по вопросам детской книги в Киеве», *Книга детям*, 1928, 5-6, с. 52-54.

37. Чехов, «Детская книга и школа национальных меньшинств СССР», *Книга детям*, 1929, 2-3, с. 33-35; Чехов «Детская литература народов СССР», *Просвещение национальностей*, 1930, 6, с. 128-133; Чехов «Детская литература нацменьшинств», *Национальная книга*, 1931, 1, с. 28-31.

38. Саввин «Новая детская литература как материал для внеклассного чтения», *Родной язык в школе*, 1927, 3, с. 223-234; Саввин, «О внеклассном чтении учащихся», *Нижегородский просвещенец*, 1930, 1-2, с. 77; Саввин, «О руководстве внеклассным чтением художественной литературы в начальной школе», *Горьковский просвещенец*, 1934, 11-12, с. 102-113.

39. О деятельности этой группы работников детской книги см. обстоятельную работу: Арзамасцева, «Подвижники детского чтения...», с. 12-42.

40. Кто-то из них в изучаемый период был очень продуктивен (Н. Крупская, С. Марголина), кто-то опубликовал одну-две статьи и ушел из критики, а кто-то выпустил 7 статей, но в период длительностью 10 лет, как А. К. Покровская или В. Смирнова.

В целом, период с 1923 по 1934 год прошел под знаком «приснопамятной комиссии ГУСа» (так издевательски назовет Н. К. Крупскую и ее коллег С. Маршак в 1938 году⁴¹) – все основные дискуссии о сказке, об антропоморфизме, о Чуковском и маршачниках были спровоцированы ею. Самый высокий показатель количественного роста статей – 1929-1930 год – период травли К. Чуковского. В борьбу со сказкой и за нее вступили Н. Крупская, К. Свердлова, Д. Кальм с одной стороны и М. Горький – с другой.

При этом подавляющее большинство критиков по традиции – это профессиональные педагоги или чиновники образования. Независимо от того, какую журнальную площадку выбирал критик для своего высказывания по вопросам текущей детской литературы, позиция большинства определялась педагогическими идеями о должной детской литературе. Это были общественно-политические («Правда», «Известия»), педагогические («Педагогическая мысль», «Внешкольное образование», «Трудовая школа», «На путях к новой школе», «Народный учитель» и пр.), литературно-критические («Литературная газета», «На литературном посту»), инструктивно-критико-библиографические («Красный библиотекарь», «Печать и революция», «Красная печать» и др.), отдельные литературно-художественные («Звезда», «Новый мир») и специализированные журналы, посвященные вопросам детской литературы и детского чтения («Книга детям» и «Книга молодежи»). Со всех дискуссионных площадок доносились призывы переустроить детскую литературу и воспитать нового советского ребенка.

ДИСКУРСИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

Если перенести фокус описания с динамики персонального состава критиков на анализ языка критических высказываний, то обнаружится, что дореволюционные, и послереволюционные критики обладали единым дискурсивным тезаурусом: ребенок, книга, воспитание, идеалы и пр. Несмотря на то что состав критиков после 1923 года радикально обновился, категориальный аппарат критики остался неизменным.

1. Сохранилась обеспокоенность наличием/отсутствием критики как таковой. И до и после революции критические статьи наполнены lamentациями о недостаточности критики, ее эпизодичности, ее оценочном разном и т. п. И Н. Саввин, и Н. Чехов, и А. Покровская, и Н. Крупская и десятки других работников критического цеха говорят об одном и том же и в одних и тех же выражениях: критики детской литературы нет. Об отсутствии критики с высокой трибуны Первого Съезда советских писателей

41. Маршак и др., «О рецензентах детских книг», *Литературная газета*, 1938, 20 июня.

заявит в 1934 году и Маршак, вступая наконец в ряды публичных критиков⁴².

2. Критиков тревожило отсутствие «высоких идеалов». До революции многие педагоги рассуждали о необходимости новых идеалов, сетовали на внедрение в детские головы «пошлых ценностей» и возмущались «отрицательными образцами». Разбирая книги Л. Чарской, З. Масловская связывает высокую численность подростковых самоубийств с тем, что такие авторы, как Чарская да и все взрослые «отняли у детей, у этой молодежи, высокие идеалы, а без них, по-видимому, она не может жить»⁴³. В этом суждении прослеживается типичная для педагогической критики установка на прямую связь между читательским опытом и поведенческим профилем ребенка. Точно такую связь будут устанавливать советские педагоги в 1920-е годы, когда станут критиковать детскую литературу за отсутствие отражения новых революционных идеалов. Идея, что детская литература должна передавать мировоззренческие идеалы эпохи или поколения, сохраняется на протяжении 1900-1930-х годов. Меняется только риторическое оформление.

Для педагогов 1910-х высокие идеалы понимаются скорее религиозно-мистически «вера в Высшее», «стремление к Высшему», а Чарская «поет пошлые мелодии жизни, дает мишуру, побрякушки ложно понятого героизма, заставляет детей любить их – и заводит их в то болото пошлости, из которого нет возврата уже по одному тому, что «привыкший ползать, летать не может»⁴⁴. Советские педагоги, те, кто сменяет «старых работников, подготовивших Октябрь», казалось бы, попытаются сформулировать в новых терминах новые «коммунистические идеалы». Однако при ближайшем рассмотрении эти формулировки очень схожи с дореволюционными, редакция журнала «Книга детям» в 1928 году требует, чтобы в детской литературе присутствовали «идеи, пробуждающие в детях бодрость, стремление жить и работать с коллективом, уверенность в том, что общими усилиями можно одолеть и трудную задачу, прививали интерес к знанию...»⁴⁵

Сравним с пассажем педагога и методиста В. С.Мурзаева, высказавшемся в 1912 году:

Хорошая детская книжка должна быть здоровою, чистою вещью. [...] Здоровая же книга та, которая стремится описывать скорее добро, чем зло, и вводит ребенка в честную среду, где все говорит (языком

42. Маршак как критик детской литературы впервые выступит в 1933 году в центральной печати («Литературная газета» и «Известия»), до этого в публичных дискуссиях на страницах периодики он участия не принимал.

43. З. Масловская, «Наши дети и наши педагоги в произведениях Чарской», *Русская школа*, 1911, № 9, сентябрь, с. 124.

44. Масловская, «Наши дети и наши педагоги в произведениях Чарской»..., с. 125.

45. «От редакции», *Книга детям*, 1928, № 1, с. 4.

правдивого образа (курсив автора – С. М.) о значении труда и ценности добра⁴⁶.

Ему в том же году вторит Надежда Шохор-Троцкая, дочь авторитетного педагога-математика С. И. Шохор-Троцкого, учительница Мало-Троицкого начального училища, когда пишет о серии книг Горбунова-Посадова «Малым ребятам», которую она в течение долгого времени предлагала для чтения своим ученикам, пересказывает отрицательные отзывы детей и резюмирует:

Сейчас, через десять лет, еще ярче представляется мне отрицательность таких нравственных сентиментальных книжечек [...] Уважаю в них большую работу, заботливое, внимательное, любовное отношение к делу, преклонение перед добром и правдой, – но ведь получается-то не то совсем: не добро, а сентиментальность. [...] Призыв тут не к добру, а к жалости, снисхождению, милости. Не то все это⁴⁷.

Требования правдивости и честности, требования «противопоставить “скудной” книжке книжку талантливую, искрящуюся, заставляющую ребенка смеяться, радоваться, понимать, как прекрасна жизнь»⁴⁸ звучали все первое тридцатилетие со страниц педагогических и библиотечно-критических изданий.

3. Критиков беспокоило засилие массовой литературы сентиментального и героико-романтического направления. Сентиментальное направление в детской литературе стало типичным примером дурной детской книги, в которой отсутствовали вышеописанные высокие идеалы. Оно в лице Л. Чарской, К. Лукашевич, В. Желиховской, А. Вербицкой постоянно подвергалось критике:

И вот пришла революция. Сразу оказалось, что герои большинства книжек больше не годятся в герои. Институтские повести Чарской и крестьянские повести Клавдии Лукашевич умерли в один и тот же день. В рамки английской благополучной повести нельзя было втиснуть новый материал, нашу идеологию, людей нашего времени⁴⁹.

Но точно так же низко оценивали творчество Чарской и Лукашевич в дореволюционный период, несмотря на всю их популярность. Николай Каринцев пишет в 1912 году:

Все отрицательные черты современной женщины в произведениях Чарской выступают в таком ярком привлекательном свете, преломляясь сквозь призму дутого, показного героизма. Чарская воспитывает грубый эпикуреизм, обнаженное половое кокетство перед мужчинами, лживость

46. Мурзаев, «Борьба с дурной книгой», *Педагогический листок*, 1912, № 4, с. 255.

47. Н. Шохор-Троцкая, «К обзору детских книг: “Малым ребятам”». Изд. И. И. Горбунова-Посадова, *Русская школа*, 1912, №2, февраль, с. 48-50.

48. От редакции, *Книга детям*, 1928, № 1, с. 6.

49. Маршак, *О большой литературе для маленьких*, М., ГИЗ, 1934, с. 36.

и показную сторону жизни и тем самым притягивает детские сердца. Дети ведь так любят, чтобы их убаюкивали, чтобы пели им в лад, чтобы уводили их дальше и дальше, но в том же направлении, куда они уже направлялись, куда уже дан был толчок окружающей пошлой жизнью⁵⁰.

В 1913 году Н. Саввин резюмирует:

Педагогическая критика не устаёт отрицательно относиться к повестям г-жи Чарской; в ещё произведениях указываются серьезнейшие недостатки, недостатки прямо вредные, в глазах критики она посредственный художник; чисто воспитательное воздействие ее повестей носит только резко отрицательный характер⁵¹.

Во второй половине 1920-х сентиментальное направление станет постоянным источником сравнения с новой советской детской литературой. Например, рапповский критик В. Жак, критикуя детскую литературу периода НЭПа, упрекает детских писателей в том, что:

Они начинают халтурить в погоне за лаврами Чарской и Майн-Рида, чтоб хоть этим увеличить свою рентабельность. Хороший писатель С. Ауслендер пишет «Олю» – редчайший образец халтуры и кровосмешения Чарской, Ната-Пинкертона и Майн-Рида. Самозабвенно халтурил Гумилевский и т. д. и т. д.⁵²

И уже на Первом съезде писателей в 1934 году С. Маршак обрушится на Чарскую, используя ее имя и связанную с ней жанровую литературную традицию с тем, чтобы легитимировать свой собственный статус в новых, меняющихся условиях.

Таким образом, апелляция к Чарской и «ее школе» может быть трактована как естественный процесс существования литературно-критической традиции, ее связности посредством отдельных культовых, популярных авторов, порождающих моду и эпигонское подражание. Ничего принципиально нового в критике Чарской в послереволюционное десятилетие мы не обнаружим. Обнаружим лишь желание дискредитировать коллег, работавших в области критики детской литературы до революции: скрыть от современников тот факт, что коллеги еще до революции высказывались точно так же отрицательно в отношении этой литературы, которая не отвечала их литературным и педагогическим вкусам. И в этом отношении мы видим полное единство и непрерывность критической традиции, как бы они ни замалчивались Маршаком, утверждавшим, что до революции критика не обращала внимание на детскую литературу.

50. Ник. Каринцев, «Журналы о детском чтении», *Воспитание и обучение*, 1912, № 5, май, ст. 155.

51. Саввин, *Наша детская литература: И. С. Шмелев*, Нижний Новгород, 1913.

52. В. Жак, «Бьем тревогу», *На подъеме*, Ростов-на-Дону, 1928, книга 9, сентябрь, с. 53.

4. На протяжении 1900-1920-х годов критики не уставали повторять, что единственный допустимый в детской литературе художественный метод – это реализм. Приведу лишь два показательных примера.

Николай Каринцев в своей статье 1912 года сочувственно цитирует размышления Евгения Елачича:

Мне представляется, что единственное требование, которое следует предъявлять каждой детской книге, – это требование полной правдивости, естественности, искренности и художественности. Фальшь и разного вида неправда недопустима ни в каком случае, в какую бы нарядную одежду морали она ни облекалась⁵³.

И в тех же терминах формулирует Эсфирь Яновская спустя 10 лет:

Нам не нужен ни мистицизм, ни фантастичность там, где все ясно, истинно и правдиво – реальное в художественной форме, вот то новое, что надо внести в детскую литературу. [...] Реальное должно остаться реальным – никакая сверхъестественная сила не может быть притянута к нашей «красной» фабуле, отличающейся от буржуазной сказки своей конкретностью... Нам нужны реальные правдивые рассказы, а не лживые фантастические сказки...⁵⁴

Пристрастие теоретиков и критиков советской детской литературы к реалистической художественной парадигме требует отдельного рассмотрения. Замечу только, что в советской историографии лавры главного теоретика детской литературы делят М. Горький и Н. Крупская (ключевая роль Э. Яновской замалчивается). Оба высказывались о реализме в детской литературе как художественном методе, наиболее отвечающем и эстетическим, и воспитательным задачам детской литературы. Крупская, в частности, утверждала в 1926 году:

Если мы хотим создать настоящую книжку для чтения, то мы должны побольше вглядываться в окружающую жизнь; там мы можем почерпнуть такое количество материала, которое даст возможность создать нужную ребенку книжку⁵⁵.

Только реалистическое изображение социальной действительности, с ее точки зрения, могло удовлетворить запросам юных читателей независимо от возраста: дошкольников и подростков. Но теоретические потуги Н. Крупской⁵⁶ были посрамлены А. Луначарским и М. Горьким, провоз-

53. Каринцев, «Журналы о детском чтении»..., ст. 157.

54. Яновская, *Сказка как фактор...*, с. 75.

55. Крупская, «Об учебнике и детской книге для I ступени (Речь на I Всероссийской конференции по учебной и детской книге. 8-15 мая. 1926)», *На путях к новой школе*, 1926, № 7-8, с 3-13.

56. Подробнее об организаторской и пропагандистской роли Н. Крупской в истории советской детской литературы см. Маслинская, «Неутомимый борец со сказкой (критика детской литературы в трудах Н. Крупской)», *Историко-педагогический журнал*, 2017, № 1. См., также о вторичности идей Крупской в области реформирования школьного образования: Т. Ю. Красовицкая, «Н. К. Крупская – идеолог большевистской реформы образования», *Труды Института российской истории*, вып. 5, М., 2005, с. 244-272.

гласившими курс на слияние романтического и реалистического начал в советской детской литературе.

Тем не менее и Э. Яновская, и Н. Крупская не были новаторами, они, родства не помня, воспроизводили стилистические предпочтения своих дореволюционных коллег.

Поэтому закономерно, что и массовая литература, и обзериутские эксперименты не получают в конце 1920-х годов положительных оценок: ни малоценные в художественном отношении детективы и героические боевики, ни авангардистские формальные опыты не годятся, чтобы стать советской детской литературой. Единственным на момент конца 1920-х годов легитимным видом литературы, с точки зрения педагогов, останется реализм. Других видов фикциональности советская педагогическая критика не признает.

5. Наследственность позиций мы обнаруживаем в понимании практически всех проблем детской книги, которые обсуждались в критике в период 1924-1932 годов: книгоиздательские планы, оформление и иллюстрация, стоимость книг, распространение книг, литературное и педагогическое качество книжной продукции.

Когда Н.Саввин в 1912 году публикует обзоры новинок в журнале «Педагогический листок», его речь пестрит субъективными оценками: «нет ярких картин в повести», «бледны образы», «плохой шрифт», «дурные рисунки», «без всякой художественности в образах», «искусственно созданные сцены»⁵⁷.

Точно таким же языком говорят послереволюционные рецензенты, когда А. Покровская пишет, что необходимо резко критиковать «семечки» – некачественные тексты⁵⁸, Э. Станчинская указывает на «ремесленный характер» текущей детской литературы⁵⁹, а С. Марголина критикует А. Барто за «капризную незаконченность картин» и отсутствие «живых человеческих лиц»⁶⁰.

Примеры общности дискурса можно множить, так как прагматика критической статьи дореволюционного либерального педагога и советского работника образования одина: выявить, полезна ли текущая детская литература для воспитания нового человека. Если до 1924 года наличие или отсутствие пользы обосновывались гуманистическими идеями о добре и

57. Саввин, «Детская литература и журналистика в 1912 году», *Педагогический листок*, 1912, № 47, с. 519-542.

58. А. Покровская, «Вопросы детской литературы в современной жизни», *На путях к новой школе*, 1924, № 10, с. 61-70.

59. Э. И. Станчинская, «Список книг для детей дошкольного возраста (от 4-8 л.) (К III всероссийскому дошкольному съезду)», *На путях к новой школе*, 1924, № 9, с. 129-134.

60. С. Марголина, «Барто. Праздничная книжка. Гиз. М.-Л. 1927. Рис. А. Покровского. Стр. 12. Тир. 10000 экз. Ц. 40 к. Венгров. Октябрьские песенки. Рис. А.Петровой, Л.Поповой, Н.Тушнова. Гиз. М.-Л. 1927. Стр. 20. Тир. 10000 экз. Ц. 85 к.», *Печать и революция*, 1928, № 1, с. 212.

красоте (восходящими к народническим социальным утопиям), то после 1924 года те же идеи вставляются в жесткую большевистскую оправу. Хотя первичной огранке они подверглись еще в работах дореволюционных радикальных реформаторов вроде Э. Яновской.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следующей точкой разрыва критической «массы» стал 1932 год, когда количество публикаций снова резко упало. Провал в 1932 году связан прежде всего с образовательными реформами (Постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 года), а также событиями, изменившими институциональную литературную инфраструктуру: известными постановлениями этого года как в области регулирования литературного процесса (Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932), так и в области издательского дела (Постановление ЦК ВКП(б) «Об издательстве «Молодая гвардия» от 29 декабря 1931 года). Эти встречные течения и обусловили резкое падение статей о детской литературе: педагогические журналы стали площадкой для дискуссии об образовательных реформах, вопросы детской литературы отошли на второй план, в 1930 году закрылся специализированный журнал «Книга детям». С 1933 года публикационная активность снова станет расти – это будет связано с подготовкой к Первому Съезду советских писателей. И на критическом поле появятся новые завсегдатаи – С. Маршак и В. Шкловский, которые, будучи писателями, введут в оборот инструктивно-обучающую критику, критику редакторов и товарищей по писательскому цеху. В то время как авторитеты в среде педагогов – Н. Крупская и Д. Кальм – после 1932 года из критики уйдут безвозвратно и не опубликуют ни одной статьи о новинках детской литературы.

Тем не менее очередное обновление персонального состава и некоторая коррекция авторитетов (позиции наркомпросовских критиков будут временно дискредитированы) практически не повлияет на язык и содержание критики: хорошей новой детской литературы нет, критика отсутствует, воспитательные задачи по возвращению коммунистической смены решаются плохо. Педагогический критицизм, по-видимому, всегда отличается пессимистической оценкой результатов и оптимистичной установкой на совершенствование – именно поэтому возобновляющиеся призывы «растить здоровую объективную критику» были обречены остаться бесплодными призывами, такой критики советская детская литература не знала. Не знала ее и дореволюционная детская литература.

Критика русской детской литературы пережила в 1900-1930-е годы два количественных разрыва – практически полностью обновился персональный

состав участников дискуссий. Но содержание и риторика критики не претерпели изменений: главными категориями, которыми оперировали критики, были «достоверность» и «правдоподобие», а целью критики было выявить соответствие воспитательных задач, решаемых в конкретном произведении, тем представлениям о морали, которые разделял критик-педагог (от либеральных внесловных ценностей до коммунистической морали). Иными словами, критика детской литературы в первое тридцатилетие XX века могла быть только реалистической, а теория – только педагогической.